

Оригинальная версия перевода:

<https://ficbook.net/readfic/5401432>

Сезон дождей ещё не начался, а погода с зимней только сменялась на летнюю, когда я заметила, что Нацуме-кун учится в той же школе, что и я. Это произошло после школы, по пути в класс музыки, куда я направлялась, чтобы позаниматься в клубе; Мики сказала, что что-то забыла, и ушла. Я ждала её прямо посреди коридора. Рассеянно смотря в окно, я обратила внимание, что кто-то неподалёку так же, как я, пристально всматривался в пейзаж. Красивое лицо. Парень с ясным, внимательным взглядом. Он вглядывался в задний двор школы, где не было ничего, кроме маленьких клумбочек с цветами. Наблюдая за ними, хотя там никого не было, он тихо сказал: «А, это же опасно».

Он привлёк моё внимание; я тоже посмотрела на цветочные клумбы, но там и правда никого не оказалось. Когда я вновь взглянула на него, его выражение поменялось на облегчённое, а глаза двинулись, словно он наблюдал за чьим-то уходом. Между тем появились парни из классной комнаты 2го класса и назвали его по имени.

— Э? Нацуме... -кун?

— Прости, что заставила ждать, Мияко... хм? Что там?

Не ответив Мики, я онемела от удивления, когда он направился вместе со своими друзьями к выходу.

...Клубные занятия в тот день прошли ужасно.

— Шинохара, снова неверно. Повтори ещё раз.

Учитель ругал меня бесчисленное количество раз, и я помню ошеломлённые лица старшеклассников.

Так как моя тётя была музыкантом, я с детства играла на кларнете, так что, естественно, я вступила в клуб духовых инструментов после поступления в старшую школу. Мики, учащаяся в 5м классе вместе со мной, играла на трубе. Она была весёлой и общительной, и в значительной степени благодаря ей я, будучи стеснительной, смогла вписаться в класс.

— Эй, Мияко, что-то не так? Ты сегодня такая растерянная.

Даже Мики отметила это. В тот день моя голова была забита воспоминаниями, до того спавшими в самом отдалённом уголке моего сознания.

Они были про Нацуме Такаши.

Мне вспомнилось время, когда мы ещё учились в первых классах начальной школы. В течение недолгих двух месяцев он был в том же классе, что и я. Город, в котором я живу и сейчас, находится довольно далеко от этой старшей школы. Он перевёлся туда в местную начальную школу. Потеряв обоих родителей, он переходил от одних родственников к другим — так мне говорили. Во-первых, из-за того, что это было для всех в новинку, каждый разговаривал с ним; но после одного случая, на Нацуме-куна наклеили клеймо лжеца, и постепенно пропали любые желающие пообщаться с ним. Для меня же случившееся стало травмой.

Это произошло во время урока музыки. Мы все исполняли детскую песенку, играющую на

магнитофоне.

— Соль, ми-фа-соль, ля, соль, ми-фа-соль, до, ля-соль-ми-до-ре...

Дети вокруг меня, только начавшие учиться, изо всех сил повторяли за напевающим учителем. Но они продолжали фальшивить. Меня уже давно всему научила тётя, потому их ошибки мне надоедали.

— А, Ямамото-кун, на полтона ниже... Саки-чан, ты отстаёшь...

Вдруг, в этот момент, красивые звуки флейты достигли моего слуха — полностью отличные от главной мелодии, но прекрасно гармонирующие с ней.

— Э?

Когда я оглянулась, пытаюсь обнаружить того, кто играл на флейте, случилось это.

— А-а-а-а!

Вскрикнув, какой-то ребёнок вскочил со стула.

— Что не так, Нацуме-кун?

— Странный парень вон там... похожий на тенгу, играет на флейте...

— Э? Тенгу?

— А, смотрите, он убегает, — сказал Нацуме-кун, указывая на окно. Удивившись, учитель произнёс:

— Что? Я ничего не вижу. А кто-нибудь ещё из вас видел это?

Это был определённо не злонамеренный вопрос. Учитель подумал, что Нацуме-кун на самом деле мог увидеть что-то, и просто хотел проверить. Но в конечном итоге он сделал его изгоем.

— Те, кто что-то видел, — поднимите руку.

Я не знала, что делать. Я ничего не видела. Но точно слышала. Что-то там определённо было. Единственным человеком, знающем об этом, кроме Нацуме-куна, была я. Но... я не подняла руку. В конце концов Нацуме-кун сказал: «Простите... Я, наверное, ошибся», — и вновь сел на стул.

С тех пор его знали, как того, кто изредка говорит странные вещи, и все начали избегать его. На самом деле даже после этого Нацуме-кун продолжил настаивать, что он может видеть что-то необычное, и, внезапно толкая кого-то, сбегал — что-то наподобие этого. Потому, во всяком случае, результат бы не изменился. Если бы я тогда подняла руку... быть может, взгляды, которые кидали в сторону Нацуме-куна, не были бы столь холодными. Он, наверное, завёл бы хотя бы одного друга, который верил бы ему. Нацуме-кун всегда был один в классе, и никто с ним не разговаривал; и я тоже. Я боялась, что во всём обвинят меня, и потому я держалась от него подальше.

В конечном счёте он, так ни с кем и не подружившись, переехал к другим родственникам в другой город.

Похоже, что я почувствовала облегчение и запечатала свои воспоминания о нём. Тогда я только получила кларнет от тётки и всю себя вложила в игру. Пройдя начальную школу, и даже вступив в среднюю школу, я продолжала играть на кларнете по пути в школу. Как-то, возвращаясь домой, только сумев сыграть так хорошо, что это удивило даже меня саму, я услышала ту мелодию вновь.

Это была, возможно, поперечная флейта. Её ещё, вроде, называют «японским умиротворением»? Из глубин лесов или, может быть, с гор ветер донёс до меня слабую, но явно созвучную моему кларнету красивую мелодию.

Оглядываясь назад, это кажется для меня загадкой, почему я не вспоминала в те времена Нацуме-куна. Но я подумала, что мелодия флейты — звуки, слышать которые могу лишь я, — это великолепный подарок богов. Только когда я смогла играть достаточно хорошо, боги смилоstinивились и сыграли вместе со мной на флейте.

Даже после того, как я поступила в старшую школу, я продолжила играть, как будто это было тем, что я, очевидно, должна делать. С момента поступления и по сей день моя ежедневная жизнь выглядела примерно так:

Прийти в школу;

Отсидеть уроки;

Занятия в клубной комнате;

Уйти домой...

...и круг повторялся вновь. Таким уж я была человеком — хотя я и слышала о переведённом во 2й класс ученике, у меня не было причин думать о том, что это был Нацуме-кун.

Но правда ли это тот самый Нацуме-кун?

Это может быть его однофамилец.

Однажды, возвращаясь домой, я сверилась со списком имён.

«Нацуме Такаши».

Да. «Бадум, бадум, бадум». Стук ускорившегося сердца эхом отдавался в ушах — настолько я была потрясена.

— Эй, Мики, а что это за переведённый во второй класс ученик?

На следующий день я попробовала порасспрашивать об этом в школе.

— Э? Ты сейчас спрашиваешь? Ты, как обычно, медлительна, когда дело доходит до слухов, Мияко. Когда он впервые попал сюда, девочки из нашего класса стали шпионить за ним и сказали, что он довольно симпатичный — большую же шумиху они из этого сделали. Он выглядит отчуждённым, но если с ним заговорить, то он будет вести себя на удивление дружелюбно, и, похоже, он вообще из тех людей, которые добры к каждому.

Внезапно меня вновь накрыло чувство вины. Характер Нацуме, судя по описанию Мики, совсем не изменился со времён младшей школы; должно быть, такова была его истинная натура. И я была одной из тех, кто отделил его от класса.

С тех пор моя игра на кларнете стала звучать неустойчиво и уныло, и я не слышала больше мелодии богов.

Долгий сезон дождей миновал, и пришло лето.

Наш клуб духовых инструментов собрался отправиться в летний учебный лагерь, чтобы подготовиться к осеннему чемпионату, и мы были заняты подготовкой к нему. Почему-то мы решили устроить лагерь неподалёку от моего родного города — в общественном пансионате рядом с горами. Перед этим я с президентом клуба решила проверить то место. В воскресенье перед летними каникулами, когда я зашла с ней в горы, я увидела фигуру, пробирающуюся сквозь густо заросший лес. Стремительно исчезая в дальней стороне чащи, с чем-то похожим на круглого, толстого кота на своих плечах, шёл — все всяких сомнений — Нацуме-кун.

— Я пришёл, чтобы увидеть Нацуме-доно, владельца Тетради Дружбы.

— Ува-а, Нянка-сенсей! За окном снова кто-то странный появился...

— Успокойся, Нацуме. Если он будет доставлять хлопоты, я тут же выпровожу его отсюда.

Ещё с детства я иногда видел странные вещи. Эти вещи, которые, похоже, больше никто видеть не может, схожи с тем, что вы называете ёкаями.

— Нацуме-доно, у меня есть к вам просьба.

— Ты хочешь вернуть своё имя?

— Нет, здесь нет моего имени. Просто я слышал, что имя аякаши, которого я ищу, есть в этой тетради.

— Ищешь?

— Именно. Нацуме-доно. Прошу, помогите мне призвать Аши-но-Такуми, используя Тетрадь Дружбы. [1]

— Аши-но-Такуми, говоришь?

У аякаши была внешность тенгу, а в руках он держал поперечную флейту.

— Я известен под именем Хичири.

— Хичири... мы с тобой нигде прежде не встречались?

— Хм? Я совсем недавно узнал о Нацуме-доно, владельце Тетради Дружбы, из слухов. Встетиться с вами прежде, это... хм-м?

Хичири прекратил говорить и приковал свой взгляд к моему лицу.

— Если подумать, то это лицо... нет, быть не может. Но всё же, оно похоже...

— С моим лицом что-то не так?

— Нет, я уверен, это просто совпадение. Что важнее, Нацуме-доно, Аши-но-Такуми...

— Подожди пожалуйста. Этот Аши-но-Такуми, случайно, не...

— Я слышал о нём. Это ремесленник, делающий флейты, или что-то вроде того, — сказал Нянко-сенсей.

— Именно. Когда дело касается флейт, в наше время нет никого лучше Аши-но-Такуми, искусного мастера. Я, как видите, играю на флейте, но в последнее время она издаёт очень странные звуки. Мало того, что я не могу достигнуть желаемого звука, её тембр монотонен.

— И ты хочешь попросить Аши-но-Такуми сделать тебе новую флейту?

— Нет, я привязался к этой флейте; я хочу, чтобы её починили. Потому я стал искать Аши-но-Такуми, но с тех пор, как его имя забрал владелец Тетради Дружбы Нацуме, он, похоже, скрылся в горах и ни с кем больше не встречался...

— И поэтому ты хочешь, чтобы я призвал его. Но я не знаю, как выглядит этот аякаши, и не смогу сделать это.

— Что!

Хичири потерял дар речи.

— Победила его и забрала у него имя моя бабушка. Я не могу призвать аякаши, которого не видел прежде, как не могу и вернуть ему имя.

— Ой, Хичири, или как там тебя. Если ты виртуоз игры на флейте, то сыграй мелодию. А я послушаю, — сказал Нянко-сенсей, пережёвывая палочку данго.

— Конечно. Было бы досадно уйти отсюда ни с чем. Тогда, слушайте.

Хичири подготовил поперечную флейту и, вдохнув, начал играть. Он был превосходен. Я совсем не слышал никакой монотонности. Возможно, это была монотонность, которую могли различить только мастера своего дела. Красивая мелодия, ёкай, похожий на тенгу... внезапно воспоминания из прошлого всплыли в моём сознании.

— А! Это ты в тот раз...

Это был урок музыки в младшей школе. Мы пели в унисон, и я неожиданно услышал звуки другой флейты. Да, это определённо был другой звук. Когда я взглянул, рядом с учителем оказался тенгу с флейтой в руках. Не подумав, я закричал...

— Что, так это ты тот самый детёныш? Ты вырос.

— Погоди, такое чувство, что ты внезапно начал смотреть на меня свысока. Это не очень вежливо.

— Хмпф, у меня нет причин склонять голову перед тем, кто не может даже призвать Аши-но-Такуми.

— Но если Нацуме — владелец Тетради Дружбы — пойдёт туда, то тот парень может объявиться, чтобы вернуть своё имя.

— Хмпф... ...Нацуме-сама! Я прошу вас, поспособствуйте мне!

— Какой непостоянный. Ой, Нацуме, ты не обязан помогать таким парням.

— Всё так. И я повёл себя грубо по отношению к нему, так что...

— Только не говорите! Нацуме-доно, прошу, подумайте над моей про...

Как бы он меня не уговаривал, у меня есть своя жизнь в школе и с семьёй Фудживара; я просто не могу уйти. Я категорически отказался... или, скорее, я бы должен был так сделать.

В следующее воскресения Няню-сенсей и я — под руку с Хичири — пошли в горы, где, как он полагал, должен был быть Аши-но-Такуми. Я думал, что это предположение заведомо проигрышное. Но когда кто-то, обременённый какой-то мыслью, отчаянно умоляет меня, я не могу отказать.

Это произошло на полпути в гору, рядом с городом, в котором я как-то жил два месяца или около того, когда учился в начальной школе.

— Э-эй, Аши-но-Такуми, ты здесь?

Без особого энтузиазма я пытался звать его, но ответа всё не было.

— Слушайте, его так просто точно не найти. Нацуме, пойдём съедим данго или ещё что-то.

— Ну уж нет! Мы же только пришли!

Пока мы направлялись вглубь леса, я мельком заметил двух девушек в форме моей школы, идущих от автобусной остановки вдоль дороги и направляющихся в пансионат.

— О нет... они меня видели?

Я, конечно, мог придумать отговорку, если они меня всё же увидели. Подумав об этом, мы зашли ещё глубже в лес.

Искали мы, должно быть, два или три часа. Солнце клонилось к закату, и пришло время прервать на сегодня поиски и отправиться домой.

— Господин, господин, вы ищете Аши-но-Такуми?

Произнеся это, перед нами появился аякаши с лицом зверя — то ли коровьим, то ли собачьим.

— Господа, вы не знали? Говорят, что существует мелодия, способная призвать Аши-но-Такуми.

— Мелодия, способная призвать его?

— Да, если вы сыграете мелодию на флейте, то призовёте Аши-но-Такуми... или так просто говорят. Это мелодия под названием «Ниджи но Хаказе». [2] Она звучит как-то так: пиихюруу...

— А, может быть... — и, сказав это, Хичири стал играть на флейте. Это была мелодия, которую он исполнял в моей комнате.

Его игра была великолепна. Закончив, Хичири молча убрал флейту. Мы молча стали ждать. Но ничего не произошло.

— Это та самая?

Корово-пёс ответил:

— Определённо та самая. Я видел, как Аши-но-Такуми играл её, в конце концов.

— Что ты сказал?

— Такуми позволил человеческой девочке услышать эту мелодию и сказал, что если она хочет призвать его, то может просто сыграть её.

— Человеческая девочка...

— Он сказал, что спит в заросшем сорняками болоте, немного повыше, потому не услышит, если просто позвать его. Но если он сможет услышать эту мелодию от начала до самого конца, то он точно пробудится — так он сказал. Это случилось, когда человеческая девочка назвала мелодию. «Как насчёт «Ниджи но Хакадзе»? — как-то так.

Я тут же догадался, кто это был. Странно, но Хичири, похоже, тоже что-то осознал.

— Ну, это старая история. Такуми, наверное, просто забыл об этом. Ну, тогда я пошёл.

С этими словами корово-пёс растворился в чаще.

— Флейта испорчена, и звуки она издаёт монотонные — она никак не сможет призвать его. Но это моя единственная флейта.

— Как ты узнал эту мелодию, Хичири?

— Меня ей научил мой наставник. Он был очень строгим, и тут же неумолимо бросался на меня с кулаками, стоило мне сделать ошибку.

Говоря это, Хичири выглядел тоскливо.

- В таком случае у твоего наставника должны быть и другие ученики.

- Нет, я не думаю, что кроме меня у него были другие ученики. Если спросите, почему, то это потому что мой наставник...

Но больше Хичири ничего не сказал о своём учителе.

— Ну, тогда, остаётся только сдаться. Нацуме, пошли, — сказал Нянко-сенсей, потирая плечо. После этого Хичири, словно совсем не желая говорить этого, пробормотал:

— Это не ученик наставника, но есть ещё кое-кто — только один — кто смог бы сыграть это. Но дело в том, что...

Согласно тому, что мы выудили из невнятно бормотающего Хичири, этим человеком была человеческая девочка. Она жила у подножия этих гор, и по дороге из дома в школу во время ходьбы она каждый день играла на флейте. Любящий эту весёлую мелодию Хичири подыгрывал ей со своей флейтой и, похоже, та девочка была способна слышать эти звуки, обычно доступные только аякаши. Потому Хичири — как и его наставник до него — сыграл бы для неё мелодию, которой научил его наставник, пусть и только краткими обрывками. И тогда та девочка, будто развлекаясь, продолжила бы играть за ним.

— А как она наслаждается игрой! Люди — очаровательные существа. Хотя есть и те, кто живёт полной обмана и хитростей жизнью, бывают и люди, которые проводят свои дни, столь искренне и просто наслаждаясь музыкой. До тех пор, пока существуют такие дети, я не стану ненавидеть людей. Я совершенно точно не могу ненавидеть их.

Когда Хичири сказал это, его лицо приобрело чрезвычайно нежное выражение.

— погоди. Если ты играл ту мелодию для человеческого ребёнка, разве не должен был Аши-но-Такуми появиться?

— И я, и мой наставник исполняли эту мелодию обрывками. Поэтому, должно быть, в тот раз Аши-но-Такуми не пробудился.

— Ясно. Значит, если мы попросим её сыграть её с начала до конца...

— Это невозможно, — проворчал Хичири. — Недавно, по какой-то причине, флейта этого дитя тоже стала монотонной. Её игра более не так восхитительна, сколь прежде. Её флейта, наверное, тоже сломалась, даже наверняка. Нет... Возможно, в том моя вина.

— Э?

— Из-за того, что моя флейта сломалась, и её тоже... Так что, во что бы то ни стало, я обязан починить эту флейту.

— Хичири, может ли быть, что...

— Ты в неё влюбился, э?

— Н-не говорите чепухи. Я просто хотел, чтобы это дитя ещё раз сыграло эту радостную мелодию, и всё...

В пансионате, пока мы согласовали планы с ответственным за это человеком, я услышала ту мелодию.

— А!

— Что-то не так, Шинохара? - удивившись, президент клуба взглянула на меня.

— Прости, ничего.

Почему? Эта мелодия богов, которую я не слышала уже целую вечность... Почему я слышала её сейчас?

Когда мы покончили с приготовлениями и направились вниз по горному склону, президент огорчённо сказала:

— Шинохара, тебя что-то беспокоит?

— Э?

— Ты ведь знаешь, мне нравится, как ты играешь на кларнете. Я подумала, что ты великолепна, несмотря на то, что ты только вступила к нам — я восхищалась этим. Но недавно

ты как-то...

— Э?

— Я думала, что ты потеряла интерес или что-то вроде того. Может быть, другие и не обратили бы внимания, даже прислушавшись, но по сравнению с прежней игрой, сейчас ты будто утратила энергию...

Так она заметила.

— Президент... спасибо. Но я в порядке. Я разберусь со всем до чемпионата.

На этом возвращении домой и закончился тот день.

Во время полуденного перерыва на следующий день я в одиночку отправилась в класс музыки. Не то, чтобы у меня было здесь какое-то особое дело. Может быть, я просто не вынесла шума в классе. То, что я увидела на горной дороге по пути в пансионат... правда ли это был Нацуме-кун? Та мелодия богов, что я слышала... имеет ли она отношение к Нацуме-куну? Думая об этом, я поднялась по слабо освещённой лестнице, свернула в коридор и дошла до его конца. Когда я открыла дверь с надписью «Класс Музыки», так кто-кто уже был.

- А... прости, тебе нужно это место?

Он стоял возле фортепьяно и, похоже, чуть не начал что-то играть.

— Нет, — пожалуйста, не заметь стук моего сердца. — Эм... что ты тут делаешь?

— Мне нужно было кое-что выяснить.

— Что же?

— Нет, всё в порядке. Я уже ухожу.

Он попытался выйти.

— погоди!

— Э?

— Я помогу.

— Э-э?

— Если тебе нужно что-то проверить, я помогу тебе это сделать, — и что я только горожу? — Я состою в клубе духовых инструментов, как видишь. Поэтому, если это что-то связано с музыкой, я, возможно, смогу помочь.

— Вот как, — Нацуме-кун посмотрел на меня ясным взглядом и сказал: — Спасибо. Есть одна мелодия, которую я хотел бы затранскрибировать. Я слышал, как кто-то играл её на флейте. Это и правда хорошая мелодия, но в связи с обстоятельствами тот человек больше не может играть её, поэтому я подумал, что, если я её затранскрибирую, то смогу попросить кого-нибудь сыграть её.

— Что это за мелодия?

— Ну.. Я не сыграю её очень хорошо...

Сказав это, он постучал пальцем по клавишам.

— Она так начиналась? Или так?

Будто бы сверяя ноты с кем-то, он, заминаясь, нажимал на клавиши. Прослушав до середины, я осознала, что это была за мелодия.

— Хорошо, я поняла.

Встав рядом с Нацуме-куном, я сыграла её от его имени. Это была мелодия, которую я всегда слышала по пути из дома в школу.

— А, это она! — удивлённо выкрикнул Нацуме. — Но почему... э? Она её знает?

Это было словно он спрашивал кого-то ещё — хотя я и не видела его — обо мне.

— Ясно, вот оно что... но я удивлён.

— Тут кто-то есть?

— Н-нет, просто сам с собой разговариваю. Эм... как тебя зовут?

— Шиохара Мияко, я из пятого класса.

— Меня зовут Нацуме. Нацуме Такаши из второго класса. Э? Шиохара-сан, мы прежде не встречались?

Сейчас было самое время сказать это. «Прости». Из-за того, что я не подняла тогда свою руку, ты... Но вместо этого из меня вышли совсем другие слова:

— Нет, я так не думаю.

— А, вот как. Эм, у меня есть к тебе одна огромная просьба...

Когда он сказал это, прозвенел звонок, знаменующий начало дневных уроков.

— А, время.

Как будто отрывая себя от него, я выбежала из кабинета музыки. Будет правильнее сказать, что я убежала.

— Эй, Мияко, что случилось? Ты снова так много фальшивила, — сказала Мики, которая расположилась в одной со мной комнате на время тренировочного лагеря.

— Она палец, должно быть, поранила или ещё что, верно? Я имею в виду, Мияко редко так часто ошибается.

Пока я изо всех сил старалась не встречаться с ним в школьных коридорах или во дворе, проходили дни, полные ухищрений, и летние каникулы наступили, не успела я и глазом моргнуть. Как и планировалось, мы поселились в пансионате неподалёку от моего дома, чтобы устроить тренировочный лагерь. Из-за шока от встречи с Нацуме-куном в кабинете музыки перед каникулами я впала в ещё большее уныние.

— Хм-м? Что не так с этими нотами?

— А, это...

Мики, просто пройдя вперёд и открыв мою сумку, вытащила оттуда листок с музыкальными нотами. Придя домой после того случая, я провела остаток дня, транскрибируя мелодию. «Я передам ему это и на этот раз уж точно извинюсь за то, что произошло в прошлом». Хотя я писала это с такими мыслями в голове, когда пришло время, я не смогла собрать свою волю в кулак.

— Это, ну, мелодия богов.

— Мелодия богов?

— Ей научили меня боги музыки.

— Мияко, ты настоящий романтик, разве нет? Когда ты так говоришь, я почти готова поверить в то, что «боги музыки» и правда существуют.

И они существуют, Мики. Но больше они не навещают меня.

Устав после первого дня в тренировочном лагере, мы решили сразу же пойти спать. И в ту ночь...

— Нацуме-доно. Не будете ли вы так добры сыграть на этой флейте от моего имени?

— Э? Я?

Хичири вдруг сказал это, пока мы спускались по горному склону.

— Нет, я не могу. Но я знаю её, так что, если смогу её затранскрибировать, тогда, может быть, мы сможем попросить кого-нибудь сыграть её.

— Прошу, я умоляю вас.

И поэтому мы с Хичири направились в кабинет музыки во время полуденного перерыва, чтобы с помощью школьного фортепьяно затранскрибировать «Ниджи но Хакадзе». И тогда пришла она.

Увидев её лицо, Хичири напрягся и застыл. Я попытался уйти, но она остановила меня, сказав, что поможет с транскрибированием. Мелодия, которую я играл неуверенно, сверяя каждую ноту с Хичири — она поняла, что это была она, и сыграла её вместо меня.

— Но почему...

— Нацуме-доно. Она знает её. Эту мелодию.

— Э? Она знает?

— Это тот ребёнок. Я упоминал о ней, девочка, которая так весело играет на флейте каждый день.

— Ясно, вот оно что... но я удивлён.

Я хотел попросить её об одолжении, чтобы она сыграла эту мелодию на той горе, но в тот же миг прозвенел звонок, и шанс был утрачен.

— Этого достаточно, Нацуме-доно. Сейчас её флейта — как и моя — не сможет призвать Аши-но-Такуми.

После этого Хичири сказал, что сам попробует сделать что-нибудь, и куда-то исчез. Я мог лишь смотреть, как он уходит. Несколько дней пролетели незаметно, и наступили летние каникулы. И одной ночью Хичири объявился снова.

— Прошу прощения, Нацуме-доно. Не сопроводите ли вы меня этой ночью, только один разочек?

Было полнолуние. Хичири, который слышал, что Аши-но-Такуми любит лунный свет, подумал: «Сегодня вечером, возможно...»

— Возможно, лунный свет сможет превратить мои монотонные звуки в чистую мелодию. А если так, то, я уверен...

Когда Фудживара крепко уснули, я с Нянко-сенсеем украдкой выбрались из комнаты и решили встретиться с Хичири.

Мы подошли к болоту, заросшему тростником, где, как говорили, дремлет Аши-но-Такуми. Пока мы ждали, когда полная луна поднимется над нашими головами, Хичири немного поговорил со мной.

— Та человеческая девочка, которую Аши-но-Такуми научил этой мелодии, «Ниджи но Хакадзе», — она, возможно, была моим наставником.

— Э?

— Я сказал «наставником», но это не совсем так, она просто заставила меня называть её так. Когда я однажды играл на флейте, передо мной появилась человеческая девочка, сказав: «Можешь ли ты сыграть эту мелодию?» и неуклюже просвистела её так, что я не смог расслышать. Я гордился своей способностью умело сыграть что угодно и немедленно повторил за ней, но наставница сказала, что это неверно. И с тех пор днями напролёт она заставляла меня подыгрывать ей, сказав, что это будет очень эффективно. Когда мне удалось выучить всё до единой строчки, она больше не заставляла меня играть и просто вдруг уходила, надувшись.

Не обязательно было говорить, кто это был.

— Она, как обычно, непостоянна, эта Рейко, — пробормотал Нянко-сенсей.

Кто-то может заинтересоваться, чего хотела добиться Рейко, обучая Хичири мелодии, которую слышала от Аши-но-Такуми.

— Нацуме-доно. Я хочу, чтобы вы выслушали ещё кое-что.

— Э?

— Я ещё не извинился. За тот раз.

Той ночью в тренировочном лагере мне приснился таинственный сон.

...Это было рядом с болотом, заросшим камышом. Полная луна плавала в небе. На тропинке стоял кто-то. Это был Нацуме-кун. Рядом с ним был кто-то ещё, неясный, и я не могла сказать, как примерно он выглядел; я различала лишь поперечную флейту в его руках. По какой-то причине только это я знала точно.

Я слышала их разговор.

— Простите меня за тот случай, Нацуме-доно.

— О чём ты?

— Это произошло, когда вы были ещё юны. Меня привлекала весёлая музыка, и я в конце концов вошёл в то здание, называемое «школой». Там человеческие дети исполняли запись из всех сил. Мне это показалось очень забавным, но они так сильно пытались, что я не смог больше выносить этого и стал подыгрывать им на флейте.

...А, он рассказывал о том случае.

— Я ни за что бы не подумал, что кто-то сможет увидеть меня. Похоже, я доставил вам неприятности.

...И меня ты тоже прости.

— Извините.

...Прости, Нацуме-кун.

Какое-то время Нацуме-кун молча смотрел на него. Я задержала дыхание и стала ждать, пока он заговорит.

— В прошлом я бы, может, и разозлился, и сказал бы: «Не говори это сейчас, уже слишком поздно». Но теперь я скажу: «Спасибо».

...Э?

— За то, что тогда думал обо мне.

Таким был Нацуме-кун. Я думала лишь о себе. Если я извинюсь сейчас, то только чтобы доказать себе что-то. Что испытывает человек, перед которым извиняются... я не думала о подобном. Но он был из тех, кто принимает всё во внимание и мирится с чувствами извиняющегося человека, говоря «спасибо»...

В этот же момент я, задыхаясь, проснулась. Мики мирно спала на соседней кровати, её дыхание было спокойным. Напрягая слух, я смогла услышать еле уловимую — идущую откуда-то издалека — мелодию. Выпрыгнув из кровати, я выбежала из комнаты с кларнетом и нотами в руках.

Тихо прокравшись к выходу из лагеря, погружённого в тишину, я выбежала на лесную тропинку.

Чуть позже я ещё раз прислушалась. Я всё ещё могла слышать ту мелодию. Но она немного отличалась от мелодии богов, которую я всегда слышала. Выступление было полно неуверенности в перемешку с сожалением и колебанием. В монотонности этого звука я ощутила понимание. Только этого и следовало ждать.

...Это было моё сожаление и мои колебания.

Чувство вины, всплывшее, стоило мне вновь встретиться с Нацуме-куном. Оно перешло от моей флейты на флейту богов. В этом случае я была единственной, кто смог бы исполнить её верно. Прислонив кларнет к губам, я начала играть, вкладывая в музыку свою душу. На мгновение звук флейты богов дрогнул. Я заметила это. Бог тотчас стал играть со мной в унисон. Я так же приблизилась к исполнению бога. Будто встряхивая луну на небе и деревья на земле, звуки поперечной флейты и кларнета резонировали. Мы пытались стать единым целым. Сожаления о прошлом и сомнения в настоящем — не запечатывая всё это в глубине своего сердца, а выплескивая это наружу. И затем, начиная снова, я увидела его. Нацуме-куна. С выражением благодарности.

...Наш ансамбль стал единым.

Мы оба — и бог, и я — наладили свои души.

На мгновение я оторвала флейту от своих губ, а затем заиграла с самого начала. Изящная мелодия содрогала деревья в лесу. В ту секунду, когда музыка окончилась, я, будто освобождённая от захватившего меня демона, упала в обморок.

Это было выступление, заставляющее сердце трепетать.

Когда Хичири закончил играть «Ниджи но Хакадзе» — в согласии со звучанием кларнета, исходящим неизвестно откуда — деревья, животные и насекомые затихли, словно наслаждаясь непрекращающимся эхом. Вскоре заросли камыша зашуршали, и появился ёкай, похожий на рабочего с закатанными рукавами.

— Что там? Ты не Рейко. Тогда кто?..

— Я внук Рейко-сан. Аши-но-Такуми, я пришёл вернуть твоё имя. Прошу, прими его.

Какое-то время он смотрел на меня, но в конечном итоге кивнул, признавая всё. Я вынул Тетрадь Дружбы и выкрикнул:

— Тот, кто защищает меня, открой своё имя!

Листок с написанным на нём именем проявился в Тетради Дружбы. Я выдернул его и зажал между зубами. В тот же миг картина встречи Аши-но-Такуми и Рейко всплыла у меня перед глазами.

*

— Ну, проиграл я, проиграл. Я признаю, что проиграл, так что остановись пожалуйста.

— Правда? Тогда, я победила, да? Напиши тут своё имя.

— Я никогда не слышал, чтобы кто-то играл на флейте так плохо. Если ты продолжишь, я сойду

с ума. Так что я отдам его, как и договаривались, ведь я проиграл.

— Как грубо! Но, в любом случае, я выиграла.

— Да, я не возражаю. Но как затруднительно. После этого мне придётся уснуть в болоте неподалёку. Даже если меня будут призывать, я могу и не заметить этого.

— Ясно, тогда давай выберем мелодию, которая призвала бы тебя. Если я сыграю её, то ты непременно должен пробудиться, хорошо?

*

— Аши-но-Такуми, я возвращаю твоё имя. Прими его.

Буквы из его имени, кружа, текли ко лбу Аши-но-Такуми.

Я рассказал Такуми об обстоятельствах и представил ему Хичири.

— Хичири, дай Такуми флейту.

— Нет, Нацуме-доно, хотя мы специально призвали его, это больше...

— Что, меня уже призвали, а ты всё колеблешься?

Аши-но-Такуми выхватил флейту из рук сомневающегося Хичири. Тщательно осмотрев её зорким взглядом настоящего мастера своего дела, он, наконец, сказал:

— Великолепная флейта. И нигде не поранена. Редко можно увидеть что-то подобное.

Я не могу вспомнить точно, как мне удалось вернуться в свою комнату лагеря той ночью. Похоже, я как-то смогла подняться, пройти назад по лесной тропинке и зайти в комнату, прежде чем кто-то это заметил, а потом тут же уснула. Было ли всё это сном? Или, возможно, иллюзией, созданной моими копошащимися в сознании сомнениями? Любой ответ бы подошёл.

— Мияко, что случилось? Ты вышла из застоя.

Мики удивлённо посмотрела на меня. Президент тоже подбодрила меня и подмигнула.

После того, как групповые занятия кончились, я посмотрела на небо. Бледная радуга протянулась меж летними холмами. Мне стало интересно: смогу ли я пригласить Нацуме-куна на осенний чемпионат? Если так, то я скажу это. Я пробормотала те слова, взглядываясь в небеса:

— Спасибо.

Однажды я смогу сказать это по-настоящему. «Прости за тот раз». И тут же: «Спасибо». Нацуме-куну и моему богу музыки.

Примечания:

[1] — □□□ (Аши-но-Такуми) можно перевести как «Мастер по тростнику».

[2] — ნიქი (Ниджи но Хакадзе) — «Радужный ветер в шуршащей листве» или «Радужный бриз»
(ნი — ниджи — радуга; ნიქი — хакадзе — ветер в листве).

<http://tl.rulate.ru/book/11466/222173>